

Россия — за Камнем

Создатель Жихаря — о разнице между сибирским фантастическим и русским народным патриотизмом.

Одни читатели бурно восхищаются прозой красноярца Михаила Успенского, другие ни за что до нее не снизойдут — дескать, фэнтези, легкий жанр. Впрочем, сам автор относит свои сочинения к русской литературной сказке. Для тех, кто легкого жанра не боится, остроумные, хитросплетенные, набитые аллюзиями книги Успенского — суший праздник. Самые известные — трилогия про Жихаря из Многоборья: «Там, где нас нет», «Время Оно», «Кого за смертью посылать».

Вы обладатель двух десятков литературных премий, но все они в области фантастики и юмористики. Вас это не тяготит? Писатель-фантаст, писатель-юморист — в этом есть оттенок второсортности.

Не тяготит. Во-первых, писатели-фантасты — очень хорошая среда. У нас совершенно нет зависти. Есть смена поколений, но происходит она нормально. Так называемая большая литература — сплошные интриги из-за «Букеров». Пелевин начинал как фантаст, понял, что здесь кашу не сваришь, и ушел в «большую литературу», где приобрел имя и тиражи, но потерял хорошую компанию. А у Курта Воннегута такая судьба: всю жизнь его издавали в пестрых обложках, а потом спохватились, что был великий американский писатель.

Во-вторых, и с чисто литературной точки зрения самое интересное происходит в фантастике. Вышел «Кетополис» — выдающееся произведение. Но кто о нем писать станет? В советские времена критики не уделяли Стругацким и тысячной доли того внимания, которым они окружали, к примеру, какого-нибудь полуграмотного Айтматова. А уже в перестройку стали говорить: это мы о них специально не писали, чтобы не подставлять.

Критики не читают фантастику, потому что у них мозгов не хватает. Чтобы разбираться в научной фантастике, надо хоть элементарно знать физику, чтобы судить о фэнтези — историю.

А вам никогда не хотелось переехать из Красноярска в Москву или Петербург, где и сосредоточена литературная жизнь?

На меня в этом плане повлиял Астафьев. Я подумал: если классик не едет, чего ж я поеду? И потом, Сибирь — постоянно ограбляемая страна. Если кто заведется приличный, так его сразу в Москву. А кто тут останется? Неудобно.

Мы с Андреем Лазарчуком, когда написали свою трилогию «Гиперборейская чума», в договорах всегда настаивали: эксклюзив издательства, за исключением красноярских издателей. Но сколько мы ни ставили это условие, ни разу оно не понадобилось — ни у кого не возникло желания печатать нас в Красноярске.

Была возможность перебраться в Петербург, как сделал мой соавтор, но я думал, что и в Красноярске на что-нибудь пригожусь. Меня приглашал Бременский университет, приглашали в Польшу, Киев и Харьков, на Франкфуртскую книжную ярмарку. А Красноярский университет не пригласил ни разу. Не то чтобы я к ним напрашиваюсь, но как-то дико.

Это странно. У вас должен бы быть статус городской знаменитости.

Нет. Писатель сейчас никто. Вот я помню, губернатор Хлопонин сказал, что прочитал 38 страниц Астафьева и больше не смог...

А как же «контрольная прогулка» по московским бульварам? Мне кажется, так много людей пришли именно потому, что застрельщиками выступили писатели.

Так то люди, а я говорил об отношении властей. Когда мне изредка предлагают встретиться с читателями, приходят очень многие. Им кажется, по старой памяти, что писатель может что-то объяснить. Людям нужны книги и писатели, я в этом снова убедился на московской прогулке. Я очень боюсь толпы, но люди вели себя

не как толпа, я чувствовал себя совершенно комфортно. Встретил двух старых друзей: один из Красноярска, другой из Иркутска.

Я знаю, что вы отрицаете наличие сибирской литературной школы. А сибирский характер существует? Отражается ли в ваших книгах то, что вы сибиряк?

Не думаю. Когда-то Сибирь была форпостом России. И в ней жило очень немного людей. И тогда они были на самом деле независимы: потеснит начальство — уйдут в тайгу. Действительно, были здоровые мужики, которые, кстати, решили исход Гражданской войны. Белые считали, что с сибиряками можно обращаться как с российскими мужиками. Эта ошибка им дорого стоила. А может, и всей России. У Леонида Мартынова есть такое четверостишие: «Не осуждай сибиряка, / что он угрюм и носит нож. / Ведь он на русского похож, / как барс похож на барсука».

То есть не только казаки, но и сибиряки русскими себя не считали?

Да, русские живут за Камнем (Уральские горы. — «РР»). Еще у нас в народной мифологии был такой образ — Ванька-золотишник, сибиряк, который приехал в Москву и гуляет. Этот образ поддерживали норильчане: в одном такси сам едет, во втором — шляпа, в третьем — портфель.

Но сейчас уже говорить о своеобразии не приходится. XIX и XX века — это ссылки, лагеря, оргнабор. Все перемешались. Сибирская особость нуждается в поддержке, но власть всегда ее боялась. В XIX веке было движение областников во главе с учеными Ядринцевым и Потаниным. Они сделали экономические подсчеты и пришли к выводу, что Сибирь прекрасно обойдется без России. Тут же за одни мечты об отделении последовали страшные репрессии. И в советское время то ли был на самом деле заговор, то ли нет — дело, по которому пострадал Леонид Мартынов.

«Публику патриотствующую не люблю — я слишком хорошо знаю русскую историю, культуру и язык, чтобы это дерьмо учило меня быть русским»

Сегодня приезжим работникам «Ванкорнефти» запрещено не только пить, но и связываться с местными девушками: не пустили бы корней. Видимо, предполагается эксплуатация Сибири вахтовым методом. Что в таком случае собираются делать с миллионным Красноярском, не представляю. Алюминиевому комбинату целый город не нужен.

Последнее время возобновился разговор, что Россия — империя многоукладная и эти уклады плохо совместимы. Трудно ужиться, не мешая друг другу, и империя будет сыпаться дальше. Как вам такая перспектива?

В Красноярске все принадлежит москвичам: земля, предприятия. И они вполне могут отделиться: в Москве они никто, а здесь — первые лица. Может произойти то же, что при распаде СССР, когда первые секретари захотели стать президентами.

А вам кажется важным сохранить страну от Балтики до Сахалина?

Для меня как для писателя важно издаваться везде на равных условиях. Если же нормальное книгоиздание прекратится — а дела в книгоиздании плохи... Нам это единство ничего не приносит. Раньше в Красноярске гастролировали лучшие московские театры, а теперь водевили возят, «шашни старого козла». Это постоянное презрение ничего, кроме реакции отторжения, не вызывает.

Не слишком-то вы патриотичны.

Меня трудно к какой-то категории причислить. К либералам меньше всего. Но и к патриотам... Почему-то борцы за патриотизм гораздо хуже тех, с кем они борются. Любой, кто остался в России, уже патриот. Автоматически получает звание патриота (смеется). Но публику патриотствующую не люблю — я слишком хорошо знаю русскую историю, культуру и язык, чтобы это дерьмо учило меня быть русским.

Орали: «Проханов, Проханов!» Даже Прилепин написал: гениальный писатель. Ну ладно, плюнул я, прочитал его «Господин гексоген». Большой человек на всю голову. Жалко его. Хоругвеносцев этих мерзких видеть не могу: выродки, шуты гороховые. Становится стыдно за слова «родина» и «патриотизм». Вот я понимаю, что такое безопасность родины. При Ельцине были сообщения в СМИ: энергетики обесточивают ядерные точки. Вот за это надо немедленно расстреливать.

Вы считаете, что смертная казнь допустима? И что общественные или государственные интересы

могут быть поставлены выше человеческой жизни?

Если безопасность личности поставить выше безопасности общества, общество рассыплется. Должны быть вещи, за которые можно и нужно умереть. Честно говоря, когда на эту прогулку шли, ведь хрен его знает, что эта власть могла устроить. По глупости, по трусости, из-за провокации. Там были смелые люди.

Когда меня спрашивают, почему я пошел, отвечаю цитатой: «Государь, все мои друзья были в заговоре» (Пушкин так говорил царю о декабристах. — «РР»). Действительно, очень много друзей было. Я не мог не прийти.

Понимаете, люди ведь даже не за права человека выходят. Это пятерочки и четверочки, которые почувствовали, что они лишние в государстве, где власть захватили двоечники и все под себя, двоечников, подогнали. И они вышли спросить власть: «Что ты, власть, от нас хочешь, хорошистов и отличников? Если мы тебе нужны, задействуй нас: мы старались, учились, мы многое знаем и умеем. А не нужны — так возьми пулемет и расстреляй к чертовой матери!»

Протестное движение — оно же не против каких-то определенных людей. К власти обращаются: «Ну ты хоть что-то делай!» И что власть творит этими разгонами? В XIX веке студенты, разночинцы собирались. Одни шли просвещать народ, другие — на маевки, песни петь. И власть на них реагировала совершенно неадекватно: тюрьмы, ссылки. В ссылках спивались. Кто не спивался, возвращался озлобленным. А уж с каторги приходили вообще звери.

Власть своими руками из совершенно мирных, идеалистически настроенных ребят делала террористов.

Наш ОМОН — это люди, которые при виде настоящих бандитов накладывают в галифе и свой страх вымещают на безоружных и незащитных. Патологические личности совершенно, всех надо к доктору. А как они женщин лупят? Если бы при мне били женщину, я бы мог убить, наверное... Наша власть не оформлена эстетически. У советской власти был эстетический оформитель — Маяковский. А у этой даже Демьяна Бедного нет.

Когда читаешь ваши книги, кажется, что вы ко всякой власти относитесь без почтения. Князь Жупел Кипучая Сера, очень гадкий тип, из грязи буквально зарождается.

Я считаю людей, стремящихся к власти, патологическими личностями. К власти стремится человек, у которого нет путевой профессии и который ничего не умеет. Любимая фраза наших политиков — «непредсказуемые последствия». Если ты работаешь в политике, для тебя не может быть непредсказуемых последствий.

Я сейчас шел по Тверской — на углу топчется бабка, наряженная чебуреком. В двух шагах от кремлевской стены. Я подумал: сейчас бы этих шерочку с машерочкой вытащить из-за этой стены да поставить перед бабкой на колени. Ибо сказано в Писании: пропадет та страна, где бабки наряжаются чебуреками.

Начальствовать, по-вашему, плохо, служить — хорошо. Я знаю, вы гордитесь, что пошли служить в Советскую армию...

Я мог бы откосить, но перед отцом было неудобно. Со службой повезло: моя часть была местом ссылки самых умных и самых глупых офицеров, поэтому служба была «Война и мир» пополам со «Швейком». Я не считаю годы службы потерянными. Хуже от армии мне не стало, только лучше. Все мои московские друзья не откашивали: Кабаков служил, Иртеньев, Быков. А великий патриот Невзоров, который Россию больше всех нас любит, откосил в сумасшедшем доме. И теперь он меня учит любить Россию. Мне бы встретиться с ним где-нибудь лично... Открытый мерзавец, и мерзости своей не стесняется. Это очень разлагающе действует на общество.

Вы производите впечатление человека, который не только правду-матку режет, но может и кулаком поучить.

Этого надо долго добиваться. Как все крупные люди, я благодушен. А армейская служба нужна как инициация. Инициация необходима обществу, без нее не жили.

Да почему проходить инициацию надо непременно в армии?

А где же еще?!

Ну, волонтерство всякое: социально полезная работа, уход за тяжелобольными.

Это все прекрасно, но в мое время ничего подобного не было. Мужская инициация обычно осуществлялась через войны и войска.

Разве вы не хотите жить в мире без войн?

Общество без войны когда-нибудь возникнет, но это будет общество, непонятное мне. Бог все устроил правильно. С возрастом человек видит, что мир ему враждебен, непонятен, близкие уходят. Все это специально, чтоб не жалко было расставаться, чтобы человек не цеплялся за уходящую жизнь. Про современность Станислав Лем хорошо сказал: смерть стала неблагородной. Раньше человек умирал в своей усадьбе, окруженный родственниками, просящими благословения, целующими его руки; сейчас он поддыхает в больнице, истыканный трубками, под ругань врачей.

Конечно, лучше умереть на бранном поле, чем под капельницей. Но в классическом эпосе молодой герой терпит поражение и погибает. А нашему времени свойственен бодренький культ победы.

Мне тут по работе пришлось в былинный дискурс углубиться. Раньше я удивлялся, почему в былинах русские богатыри постоянно бьют татарву, хотя, как известно, все было наоборот. Потом понял: это как наша сегодняшняя литература про попаданцев в прошлое, описывающая, как товарищ Сталин стал умный и начал бить немцев сразу.

Народ пребывал в угнетении, а в былинах была как бы моральная компенсация. То есть в жизни все хреново, а в былинах — во как! И у нас с каждым годом культ Победы растет, и нет никого, кто осмелился бы сказать: «Ребята, вы как-то задолбали уже этой датой!» Во всем мире ее воспринимают нормально, только в нашей стране истерически гипертрофированно. Каждый День Победы превращается в вакханалию. Если вы так эмоциональны, пойдемте немцев бить — немецкое посольство разгромим хотя бы.

Отец мой и его друзья, вообще все фронтовики, которых знаю, — ну не хотят они о войне рассказывать. Только советское правительство хотело о ней рассказывать, да нынешнее правительство хочет. И я думаю, что батя мой и другие фронтовики более правы, чем правительство, когда не хотят вспоминать. Значит, есть что не вспоминать. Единственная группа населения, которая у нас постоянно растет, — «участники войны».

Бутафорские «ветераны»?

Да. Зато уже «выяснили», что Окуджава и Астафьев не воевали — ненастоящие солдаты, обозники. Мне вот что подумалось: все знают фразу Бисмарка, что франко-прусскую войну выиграл прусский учитель, но никому в голову не придет сказать, что Отечественную войну выиграл русский учитель.

В 1941-м погибла кадровая Красная армия. Кто это были? Колхозники, которые убежали от голодухи на казенный паек. У них было в лучшем случае четыре класса образования, а чаще не было и того. Это именно они сдавались миллионами. А книжные мальчики пошли в ополчение все. И они дошли до Берлина. У всех поэтов военных — Межирова, мой отец вместе с ним воевал, Левитанского — обязательно есть стихотворение о школе. Настоящая идейность только там зарождалась. Тогда еще оставались настоящие учителя. Но никто не сказал им спасибо. Почему?

А вы пытаетесь чему-то учить читателя?

Мне бы хотелось, чтобы мои книги читали подростки. Чтобы поддерживали человека в депрессии. Почему я не люблю мейнстримовские книжки: человеку и так плохо, они же делают ему еще хуже. Так нельзя.

Моя книга побывала на Эвересте. С фотографом, сопровождавшим красноярских альпинистов. Этот человек уехал потом за рубеж. А сколько моих друзей поуждало! Из Сибири, из страны. И ведь надо бы сказать молодежи: «Валите! Здесь плохо, здесь опасно!» А нельзя этого говорить...

Дмитрий Ермольцев

Автор: Артур Скальский © Русский репортер КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 6312 18.02.2013, 17:14

URL: <https://babr24.com/?ADE=112354> Bytes: 14992 / 14835 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [Джем](#)

- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasylar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)